

Отец Никифоръ Михайловичъ Заболотскій.

(некрологъ).

13-го января текущаго года, въ 4 часа по полудни, въ Возѣ почилъ отецъ Н. М. Заболотскій, священникъ села Глинокъ, Гжатскаго уѣзда.

Покойный родился 2-го февраля 1852 года. Отецъ его, Михайль Александровичъ Заболотскій, былъ священникомъ въ селѣ Златоустовѣ, Гжатскаго же уѣзда. Среди многочисленной семьи, среди постоянной нужды въ самомъ насущномъ, о. Никифоръ съ юныхъ лѣтъ испыталъ на себѣ и бѣдность и всевозможныя лишенія. Бѣдные родители не имѣли никакихъ средствъ опредѣлить его въ семинарію, при всемъ желаніи дать соотвѣтствующее воспитаніе и образованіе своему сыну. Лишь путемъ большихъ семейныхъ жертвъ удалось отвезти его въ Смоленскъ. Тамъ, поступивши въ семинарію, онъ уже почти всецѣло былъ предоставленъ самому себѣ. Желаніе учиться и стать помощникомъ своей бѣдной семьѣ, при полномъ отсутствіи всякихъ средствъ къ своему матеріальному обезпеченію, заставило о. Никифора, съ первыхъ же шаговъ его семинарскаго жизни, самому изыскивать способы даже къ своему пропитанію. Приходилось одновременно

и учиться и зарабатывать себѣ средства къ существованію. Помимо репетированія младшихъ духовныхъ учениковъ, покойный иногда не въ мѣру пользовался своими богатыми голосовыми средствами, желая этимъ своимъ талантомъ обезпечить свое скудное матеріальное положеніе. При такихъ тяжелыхъ условіяхъ жизни ничего не стоило надорвать и природѣ уже хилое здоровье, и покойный, дѣйствительно, къ концу семинарскаго курса почувствовалъ боль въ груди, кашель и даже замѣтилъ кровохарканіе. Роковой недугъ, чахотка, закрался въ благоприятную для себя почву, и оставалось только покорно и терпѣливо ждать времени, опредѣленнаго Провидѣніемъ, когда наконецъ пробьетъ грозный часъ, и наступитъ пора свести счеты съ суровою жизнью, надломившею молодя, цвѣтущія силы. Эти жестокіе уроки жизни не пропали для покойнаго: видимо, глубоко на душѣ запала у него его горькая юность, очевидно, лучше всѣхъ онъ чувствовалъ и свое безнадежное положеніе, — и у него выработался замѣчательный по теперешнему времени, — истинно-христіанскій характеръ пастыря кроткаго, смиреннаго, никого никогда не только не обидѣвшаго, но даже и не обезпокоившаго, таившаго въ себѣ самомъ свою болѣзнь и ея роковой исходъ, единственно преданнаго и покорнаго до самозабвенія одной только Премудрой и Всеблагой Волѣ, всему полагающей свои цѣли и свои предѣлы.

По окончаніи курса семинаріи въ 1876 году, о. Никифоръ поступилъ учителемъ въ училище Министерства Народнаго Просвѣщенія при селѣ Сельцѣ, Краснинскаго уѣзда. Основныя, глубоко симпатичныя черты его характера ярко сказались уже и здѣсь и привлекли къ нему общее расположеніе. По смерти (20 августа 1877 года) священника села Глинокъ Петра Яковлевича Георгіевскаго, о. Никифоръ женился на его дочери, доброй и симпатичной Александрѣ Петровнѣ, сзумѣвшей стать для покойнаго, по его собственному предсмертному выраженію, „земнымъ его ангеломъ хра-

нителемъ“. 30-го октября 1877 года о. Никифоръ былъ рукоположенъ во священника на мѣсто своего умершаго тестя. Съ первыхъ же дней своего священнослуженія онъ обнаружилъ всѣ привлекательныя черты своего кроткаго характера и явился достойнымъ замѣстителемъ своего горячо любимаго всѣми предшественника.

Искренно преданный своему долгу, онъ всѣми силами старался приблизиться къ идеалу христіанскаго пастырства. Съ какимъ одушевленіемъ совершалъ онъ священнодѣйствія и требы церковныя! Глядя на него, ясно становилось, что онъ давно уже узналъ настоящую цѣну всего земнаго и душою далекъ, далекъ былъ ото всѣхъ насъ... Кажется, сознаниемъ своего великаго и святаго призванія онъ только и жилъ. Съ какимъ рвеніемъ и любовію проповѣдывалъ онъ всѣмъ намъ правила христіанской жизни, и нужно было слышать, какъ просто и величаво-внушительно звучала его рѣчь. Ни положеніе, ни образованіе, ни полъ, ни возрастъ его пасомаго—ничто не удерживало его отъ назиданія, увѣщанія слова и любви. Со всѣми онъ былъ одинаковъ и всѣхъ одинаково любилъ. Всякое горе и всякую радость своихъ прихожанъ онъ дѣлилъ съ полнымъ участіемъ и на всякую ихъ нужду отзывался своимъ преданнымъ, любящимъ сердцемъ. Одинъ порокъ ихъ не давалъ ему покою—пьянство, и онъ съ самоотверженіемъ боролся съ нимъ, устроилъ при своей церкви Общество трезвости (см. № 17 „Смол. Епарх. Вѣд“. 1890 г.) и уже началъ пожинать плоды своей дѣятельности. И за то искренняя и преданная любовь къ нему была отвѣтомъ со стороны рѣшительно всѣхъ знавшихъ его за его общее расположеніе ко всѣмъ. Всѣ его любили и всѣ молились о его здоровьи. Иначе и быть не могло: никто рѣшительно не слышалъ отъ него за всю его жизнь ни одного обиднаго слова, даже не видалъ его обиднаго взгляда, и это не только изъ прихожанъ, даже изъ его собственной семьи и прислуги, которую онъ почти не мѣнялъ, и которая сама не шла отъ него. За свою пастырскую рев-

ность 21 декабря 1884 года онъ былъ награжденъ набедренникомъ. Между тѣмъ роковой недугъ медленно, но постоянно продолжалъ свое разрушительное дѣло. Частыя посѣщенія Москвы и постоянныя письменныя сношенія съ ея лучшими докторами только на время отдаляли его роковой исходъ. Когда же прошлою осенью онъ перенесъ инфлуэнцу, близость разлуки съ любимымъ пастыремъ стала для всѣхъ очевидною. Дорогая всѣмъ жизнь угасала замѣтно, на глазахъ у всѣхъ. Лишь онъ одинъ, лучше всѣхъ знавшій свое положеніе, ни разу словомъ не обмолвился о тяжести своего болѣзненнаго существованія, ни разу даже женѣ своей не пожаловался на горечь печальной разлуки. До самаго конца не переставалъ онъ священнодѣйствовать и не мѣнялъ своего спокойнаго, привѣтливаго характера. До самаго конца и въ постель не ложился и почилъ, можно сказать, на своихъ ногахъ. Лишь въ послѣдній свой день, который онъ началъ такъ же какъ и всякій свой день раньше, на предложеніе жены „причаститься“ онъ отвѣтилъ: „какъ я радъ, что ты догадалась: я давно собираюсь исповѣдаться и причаститься, да все боялся тебя обезпокоить“. И точно ожидалъ его духъ этого момента! Причастившись и пособоровавшись, онъ уже легъ, и тотчасъ же началась его христіанская кончина. Кругомъ себя посадилъ онъ всю свою семью и посланную отъ любимѣйшаго изъ своихъ прихожанъ помѣщика П. Д. Неѣлова, которую нарочито призвалъ, такъ какъ самъ П. Д. не выходитъ изъ дома; благословилъ всѣхъ, запретилъ плакать и тогда началъ говорить свое послѣднее завѣщаніе. И замѣчательно: о земныхъ дѣлахъ, о будущности своей семьи—ни слова! „Наконецъ Господь удостоилъ меня дожить до счастливѣйшаго дня въ моей жизни“, говорилъ онъ. „Передайте Петру Дмитриевичу и другимъ прихожанамъ мое послѣднее благословеніе и завѣщаніе: пусть пожертвуютъ на постройку въ Глинкахъ новаго храма. Новый храмъ въ Глинкахъ необходимъ. А ты, обратился онъ къ женѣ, не плачь: Господь

тебя не оставить. Дѣти, молитесь, чтобы Господь послалъ мнѣ кончину тихую, безъ болѣзней“. И незамѣтно, мирно, въ какомъ то просвѣтленномъ сознаніи отошелъ въ вѣчность и неуловимо для окружающихъ оставилъ духъ его изболѣвшее его тѣло.

Такую безболѣзненную, христіанскую кончину послалъ Господь своему доброму пастырю! 16-го числа собрались 8 священниковъ отдать послѣдній долгъ почившему о. Никифору. Нечего и говорить, какія толпы народа пришли проститься со своимъ любимымъ батюшкой. Но самымъ утѣшительнымъ и вмѣстѣ неожиданнымъ явленіемъ былъ пріѣздъ къ обѣднѣ хора церковно-приходской школы сосѣдняго села Дровнина, во главѣ со своимъ основателемъ и учителемъ В. А. Лебедевымъ. О. Никифора знали и любили даже сосѣдніе школьники и, чтобы почтить его память, пріѣхали пройтъ по немъ обѣдню и проводъ. И нужно удивляться, какъ могли они исполнить это? Съ какимъ искусствомъ, а вмѣстѣ какимъ чувствомъ и одушевленіемъ звучало въ ихъ дѣтскомъ пѣніи трогательное и умиленное „погребеніе священниковъ“! Какъ выразительно и истово читали они «апостолы»! Никогда не забудутся эти минуты христіанскаго умиленія и молитвы, которыя они заставили пережить всѣхъ присутствующихъ. Честь и слава В. А. Лебедеву и его учителю С. А. Рачинскому, направившему русскую школу къ служенію насущнѣйшимъ потребностямъ Русской жизни!

Печальную, до боли тяжелую картину представлялъ въ это время Глинковскій храмъ. Посрединѣ скромный голубой гробъ съ почившимъ священникомъ. У изголовья молодая вдова, поникшая своимъ заплаканнымъ взоромъ и ушедшая куда то далеко въ безысходномъ раздумьи о своей невознаградимой потерѣ. Кругомъ ея трое присмирѣвшихъ малютокъ-дѣвочекъ, робко посматривающихъ и на гробъ и на маму и, видно, совсѣмъ еще не понимающихъ своего горькаго, безутѣшнаго одиночества. (Четвертый — мальчикъ, въ 3-мъ

классъ Вяземскаго духовнаго училища). Около нихъ двѣ дряхлыя старушки-тетушки вдовы, безнадежно удрученныя потерей своего дорогаго кормильца. И кругомъ однѣ слезы, слезы и слезы... И даже необыкновенный, заунывный перезвонъ колоколовъ благовѣститъ всѣмъ—и окрестнымъ и протѣжающимъ, что въ Глинковскомъ храмѣ совершается что-то необыкновенное, печальное...

Вотъ обнесли уже вокругъ храма гробъ съ прахомъ почившаго, опустили его въ могилу, застучала земля, и не стало настоятеля въ Глинкахъ, горячо любимаго и горячо любимшаго всѣхъ.

Вѣчный покой тебѣ и вѣчная память, нашъ молитвенникъ и добрый пастырь, незабвенный нашъ отецъ Никифоръ!

Послѣ погребенія однимъ изъ ближайшихъ друзей и почитателей покойнаго было сказано въ память его слѣдующее слово:

„Отцы и братіе! *Земни отъ земли создахомся, и въ землю туюжде поидемъ, якоже повелѣлъ еси создавый мя и рекій ми: яко земля еси и въ землю отъидеши, а може вси чело-вѣцы поидемъ...* (Кондакъ погребенія) Ясно,—къ этому ничего не прибавишь... Потому что *небо и земля прейдутъ, словеса же мои не мимо идутъ*, сказалъ Господь, и ни одна юта, ни одна черта закона его не разорится.

Совершилось то, что должно было совершиться: земля возвращена землѣ. Печально... тяжело... больно до слезъ... но безысходная грусть, безнадежное отчаяніе сдавило бы умъ и сковало сердце, если бы было только такъ, если бы землею и закончивалось все, если бы о почившемъ можно было сказать: *былъ, и нѣтъ его*. Господи, какой непроницаемый мракъ объялъ бы тогда челоуѣка, это непонятное и злосчастное порожденіе чьего-то коварнаго каприза!.. Но милость Божія! *Духъ возвратится къ Богу, Который даруетъ жизнь вѣчную всѣмъ вѣрующимъ во имя Его*. Высочайшее, неизяснимое,

Божественное утѣшеніе! Пусть не стало человѣка здѣсь на землѣ, но тамъ, у Отца свѣтовъ онъ вѣчно живетъ.

И такъ, тѣло почившаго возвращено землѣ, а его духъ возвратился къ Творцу для суда и жизни вѣчной. Что же осталось намъ здѣсь, что останется въ той средѣ, въ томъ обществѣ, въ которомъ онъ жилъ и дѣйствовалъ? Мы-люди, мы тяготѣемъ къ землѣ и не въ силахъ подняться до высочайшаго утѣшенія о жизни духовной, вѣчной. Намъ нужно утѣшеніе болѣе понятное нашему земному уму, болѣе близкое нашему плотному сердцу. И милосердый Господь не оставилъ насъ безъ него: *Блаженъ, егоже избралъ и приялъ еси, Господи: память его въ родъ и родъ.* (Прокименъ погребенія священниковъ). Пусть не стало среди насъ дѣлателя на нивѣ Христовой, но никогда не умрутъ плоды его добраго сѣянія.

Живъ будетъ и нашъ почившій іерей Бога вышняго, до конца дней своихъ вѣрно правившій службу Господню. Не пройдетъ безслѣдно и никогда не забудется его истовое, одушевленное служеніе, его смиренныя и пламенныя молитвы. И всѣ мы видѣли, что онъ дѣйствительно молился за насъ, всѣ мы чувствовали на себѣ силу его молитвы. И кто не замѣчалъ, что служеніемъ и молитвою жилъ и онъ самъ и въ нихъ искалъ цѣлебнаго источника своему утружденному болѣзнями существованію? Вотъ идетъ онъ, бывало, служить обѣдню, и сомнѣваешься: хватитъ ли у него силъ на этотъ трудный подвигъ? Но по мѣрѣ служенія силы его не только не ослабѣваютъ, но онъ самъ ободряется и крѣпнетъ и даже ни одной требы не оставитъ неисполненной. Дивно милосердіе Божіе! А какъ любилъ онъ служить, и какимъ святымъ своимъ долгомъ считалъ онъ службу Господню! Бывало, цѣлую недѣлю неспокоенъ онъ, если болѣзнь не позволитъ ему служить въ Воскресенье.

Живъ будетъ пастырь кроткій, до самозабвенія отдававшій всего себя дѣлу проповѣди слова Христова. Кто забудетъ

его кроткія внушенія, его вдохновенную рѣчь, величепріятно раздававшуюся въ слухъ всякаго, — и благовременно и безвременно? Неужели забудутся его запрещенія и молебны, его смиренныя, но настойчивыя усилія въ дѣлѣ насажденія среди насъ духа трезвости и воздержанія? Сколько горя смягчил онъ, сколько слезъ отеръ у несчастныхъ своимъ искреннимъ сердечнымъ участіемъ! И каждому ясно было, что только одна беззавѣтная, святая любовь ко всему и ко всѣмъ дышала въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ его начинаніи. Никогда не забуду я одного случая. Однажды встрѣчается со мною на селѣ бѣдная старушка изъ прихода почившаго о, Никифора. Я подумалъ деньгами помочь ея горю. „На что же мнѣ деньги?“ — наивно спрашиваетъ она. „А вотъ, говорю, скоро праздникъ будетъ, придетъ въ деревню батюшка, — молебенъ отслужишь“. „Родимый, отвѣчаетъ старушка, хоть бы побольше было у насъ праздниковъ: вѣдь не я плачу батюшкѣ за молебны, а онъ, кормилецъ, ни разу не пройдетъ меня безъ своей помощи“. Говорятъ, эта старушка не одна была въ нашемъ приходѣ.

Я не говорю уже о его семейныхъ. Въ своемъ домѣ онъ былъ для всѣхъ и кормилецъ и отецъ. Ихъ потеря не вознаграждена вовекъ. Къ вамъ, отцы, моя усердная просьба: не оставьте несчастныхъ безъ своего родственнаго покровительства и, чего не дай Богъ, защиты. Доселѣ въ домѣ этомъ дарилъ истинно христіанскій миръ и истинно христіанская любовь.

Тебѣ же, незабвенный нашъ отецъ Никифоръ, вѣчная благодарность отъ всѣхъ насъ за твою безкорыстную и глубокую любовь ко всѣмъ намъ, вѣчныя молитвы нами за тебя и вѣчная память...“

Нельзя, въ заключеніе, умолчать объ одномъ фактѣ, ясно засвидѣтельствовавшемъ любовь и уваженіе, какимъ пользовался почившій среди всѣхъ знаемыхъ: по общему желанію, на поминаеніи его совершенно отсутствовали напитки. Такъ

достойно почтили всѣ память основателя Глинковского Общества трезвости!

Миръ праху твоему, добрый пастырь!

Г. Георгиевскій.